

КИТАЙ КАК ПРЕДМЕТ НОВЫХ РОССИЙСКИХ СПОРОВ

Борис Межуев

Борис Межуев — шеф-редактор «Русского журнала»

Смеем предположить, что **рамки российских дебатов меняются на наших глазах** — и меняют их два обстоятельства, тесно связанные друг с другом: актуализация в России темы «модернизации» и феномен бурно развивающейся экономики Китая. Все было бы просто и привычно, если бы Китай просто стал Западом, если бы его модернизация могла рассматриваться в качестве синонима вестернизации, подобно тому, как было в случае с Японией и «восточноазиатскими тиграми». Между тем дело обстоит совершенно по-другому: еще недавно несколько презрительно третируемый нашими «западниками» за качество сборки своих товаров Китай неожиданно рванул вперед, оставив по темпам роста далеко позади «либеральных тигров». При этом рванул в том числе и за счет крайне авторитарной политической системы, жесткого государственного контроля над финансовым сектором и заниженных социальных стандартов населения. Еще более-менее умещалось бы в привычную систему идейных координат, если бы Китай и в самом деле представлял собой какую-то системную альтернативу Америке, был бы символом своего рода технократической азиатчины. Однако наблюдателям становится все более ясно, что странный, лишенный всякого ценностного наполнения симбиоз постиндустриальных

США и индустриального Китая, Америка (по определению Найла Фергюсона) или же «американо-китайское коромысло» (согласно метафоре Евгения Ясина), и есть основная геоэкономическая ось современного миропорядка.

Дебаты о модернизации неизбежно наталкиваются на одну проблему — хотим ли мы повторить путь Китая, оплатить свой индустриальный рывок снижением зарплат и размеров потребления? Дискуссия на эту тему, по сути, еще и не началась в России. Не началась именно потому, что на все эти вопросы невозможно ответить ни с привычно западной, ни с ортодоксально либеральной, ни с банально консервативной точек зрения. Ведь не исключено, что именно желание походить на Запад нас от Запада и отдаляет, и равным образом **некая китаизация России может стать единственным способом вхождения в какой-то устойчивый союз с Соединенными Штатами Америки**. Готовы ли мы хотя бы к самой постановке такого вопроса? Сформированы ли в нашем общественном мнении позиции, отталкиваясь от которых каждый мыслящий человек смог бы выработать и собственную точку зрения?

Все русские идеологии — за некоторым исключением — восходят к ссорам и спорам западников и славянофилов 30-х годов XIX века. Российская общественная мысль недалеко ушла от идейного расклада того времени, когда Россия впервые ощутила, что она есть либо нечто большее, либо

ее представители — «консервативные западники» — требовали от России отказаться от национализма и, оставаясь верной идеям Священного союза, продолжать быть защитницей католической и дворянской Европы. «Западники либеральные», такие как Тимофей Грановский, признавали, что отказаться от ложного самобытничества необходимо, но в первую очередь ради тех установлений Запада, которые гарантируют независимость личности. «Консервативные националисты» утверждали, что России необходимо порвать отношения с германскими монархическими дворами и уже тем более с католической церковью, как извечными противниками славянства и православия, и защищать и в самом деле «традиционные», но не европейские, а славянские начала. Наконец, «националисты революционные», типа позднего Александра Герцена, призывали самобытную, славянскую и общинную Россию встать во главе европейской социалистической революции.

Во всех наших идейных спорах последнего времени в той или иной степени воспроизводились все эти четыре позиции.

В этом выпуске «РЖ: тема недели» мы решились самостоятельно организовать дискуссию по «китайскому вопросу», выбрав экспертов с двумя предположительно противоположными мнениями в отношении Китая как эталона современной модернизации и попросив остальных участников модерниза-

Дебаты о модернизации неизбежно наталкиваются на одну проблему — хотим ли мы повторить путь Китая, оплатить свой индустриальный рывок снижением зарплат и размеров потребления?

нечто меньшее, чем оплот консервативно-монархической Европы в ее смертельном противостоянии идеям Французской революции. Русская интеллигенция тогда разделилась примерно на четыре сегмента. Одни

онных дебатов высказать свои взгляды на эту тему. Думаю, в ближайшее время оттолкнуться по этому поводу будет невозможно, а следовательно, российское общество будет ожидать новое идеологическое самоопределение. ■